

На второй день Рождества жаръ отъ лихорадки былъ такъ великъ, что я бредила; когда я закрывала глаза, я видѣла передъ собою лишь плохо нарисованныя фигуры на изразцахъ печи, въ которую упиралась моя кушетка, такъ какъ комната была маленькая и узкая. Что касается моей спальни, то я почти вовсе туда не входила, потому что она была очень холодная отъ оконъ, выходившихъ съ двухъ сторонъ на Неву, на востокъ и на сѣверъ; вторая причина, прогонявшая меня оттуда, была близость покоевъ великаго князя, гдѣ днемъ и отчасти ночью былъ всегда шумъ приблизительно такой же, какъ въ кордегардіи; кромѣ того, такъ какъ онъ и всѣ его окружающіе много курили, то непріятныя испаренія и запахъ табаку давалъ себя здѣсь знать. Итакъ, я находилась всю зиму въ этой несчастной узкой комнаткѣ, въ которой было два окна и одинъ простѣнокъ, что въ общемъ могло составлять пространство отъ семи до восьми аршинъ въ длину и аршина четыре въ ширину, между тремя дверьми. Такъ начался 1755 годъ. Съ Рождества до поста были только празднества при дворѣ и въ городѣ: это было все еще по случаю рожденія моего сына. Всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшили задавать возможно лучшіе пиршества, балы, маскарады, иллюминаціи и фейерверки; я ни на одномъ не присутствовала подъ предлогомъ болѣзни. Къ концу масленой Сергѣй Салтыковъ вернулся изъ Швеціи. Во время его отсутствія великій канцлеръ графъ Бестужевъ всѣ извѣстія, какія онъ получалъ отъ него, и депеши графа Панина, въ то время русскаго посланника въ Швеціи, посылалъ мнѣ черезъ Владиславову, которой передавалъ ихъ ея зять, старшій чиновникъ при великомъ канцлерѣ, а я ихъ отсылала тѣмъ же путемъ. Такимъ же образомъ я узнала еще, что какъ только Сергѣй Салтыковъ вернется, рѣшено послать его жить въ Гамбургъ въ качествѣ русскаго посланника на мѣсто князя Александра Голицына, котораго назначали въ армію. Это новое распоряженіе не уменьшило моего горя. Когда Сергѣй Салтыковъ вернулся,

онъ послалъ мнѣ сказать черезъ Льва Нарышкина, чтобы я указала ему, если могу, средство меня видѣть; я поговорила объ этомъ съ Владиславовой, которая согласилась на это свиданіе. Онъ долженъ былъ пройти къ ней, а оттуда ко мнѣ; я ждала его до трехъ часовъ утра, но онъ совсѣмъ не пришелъ; я смертельно волновалась по поводу того, что могло помѣшать ему прійти. Я узнала на слѣдующій день, что его увлекъ графъ Романъ Воронцовъ въ ложу франкъ-масоновъ. Онъ увѣрялъ, что не могъ выбраться оттуда, не возбудивъ подозрѣній. Но я такъ разспрашивала и вывѣдывала у Льва Нарышкина, что мнѣ стало ясно, какъ день, что онъ не явился по недостатку рвенія и вниманія ко мнѣ безъ всякаго уваженія къ тому, что я такъ долго страдала исключительно изъ-за моей привязанности къ нему. Самъ Левъ Нарышкинъ, хоть и другъ его, не очень-то или даже совсѣмъ не оправдывалъ его. Правду сказать, я этимъ была очень оскорблена; я написала ему письмо, въ которомъ горько жаловалась на его поступокъ. Онъ мнѣ отвѣтилъ и пришелъ ко мнѣ; ему не трудно было меня успокоить, потому что я была къ тому очень расположена. Онъ меня убѣдилъ показаться въ обществѣ. Я послѣдовала его совѣту и появилась 10 февраля, въ день рожденія великаго князя и наканунѣ поста. Я заказала себѣ для этого дня великолѣпное платье изъ голубого бархата, вышитое золотомъ. Такъ какъ въ своемъ одиночествѣ я много и много размышляла, то я рѣшила дать почувствовать тѣмъ, которые мнѣ причинили столько различныхъ огорченій, что отъ меня зависѣло, чтобы меня не оскорбляли безнаказанно, и что дурными поступками не пріобрѣтешь ни моей привязанности, ни моего одобренія. Вслѣдствіе этого я не пренебрегала никакимъ случаемъ, когда могла бы выразить Шуваловымъ, насколько они расположили меня въ свою пользу; я выказывала имъ глубокое презрѣніе, я заставляла другихъ замѣчать ихъ злость, глупости, я высмѣивала ихъ всюду, гдѣ могла, всегда имѣла для нихъ наготовѣ какую-нибудь язвительную насмѣшку, которая

затѣмъ облетала городъ и тѣшила злобу на ихъ счетъ; словомъ, я имъ мстила всякими способами, какіе могла придумать; въ ихъ присутствіи я не упускала случая отличать тѣхъ, кого они не любили. Такъ какъ было не мало людей, которые ихъ ненавидѣли, то у меня не было недостатка въ поддержкѣ. Графовъ Разумовскихъ, которыхъ я всегда любила, я больше чѣмъ когда-либо ласкала. Я удвоила внимательность и вѣжливость по отношенію ко всѣмъ, исключая Шуваловыхъ. Однимъ словомъ, я держалась очень прямо, высоко несла голову, скорѣе какъ глава очень большой партіи, нежели какъ человѣкъ униженный и угнетенный. Шуваловы сначала не знали, на какой ногѣ плясать. Они держали совѣтъ и прибѣгли къ придворнымъ хитростямъ и интригамъ. Въ это время появился въ Россіи нѣкій Брокдорфъ, голштинскій дворянинъ, котораго раньше прогнали съ границы Россіи, куда онъ было ѣхалъ, тогдашніе приближенные великаго князя Брюмеръ и Бергхольцъ, потому что они знали его за человѣка съ очень дурнымъ характеромъ и способнаго къ интригѣ. Этотъ человѣкъ явился очень кстати для господъ Шуваловыхъ. Такъ какъ онъ имѣлъ ключъ камергера великаго князя, какъ герцога Голштинскаго, то сей ключъ далъ ему право входа къ Его Императорскому Высочеству, который, кромѣ того, былъ милостиво расположенъ ко всякому болвану, пріѣзжавшему изъ этой страны. Этотъ человѣкъ нашелъ доступъ къ графу Петру Шувалову вотъ какимъ образомъ. Онъ познакомился въ гостиницѣ, гдѣ онъ стоялъ, съ однимъ человѣкомъ, который не выходилъ изъ петербургскихъ гостиницъ, развѣ только для того, чтобы пойти къ тремъ дѣвицамъ-нѣмкамъ, довольно пригожимъ, по имени Рейфенштейнъ: одна изъ этихъ дѣвицъ была на содержаніи у графа Петра Шувалова. Человѣка, о которомъ идетъ рѣчь, звали Браунъ: это былъ своего рода сводникъ по всякимъ дѣламъ, онъ ввелъ Брокдорфа къ этимъ дѣвицамъ; здѣсь онъ познакомился съ графомъ Петромъ Шуваловымъ; тотъ началъ усиленно завѣрять его въ своей привязанности къ вели-

кому князю и мало-по-малу сталъ жаловаться на меня. Брокдорфъ при первомъ случаѣ донесъ все это великому князю и его настроили на то, чтобы, какъ онъ говорилъ, образумить его жену. Съ этой цѣлью Его Императорское Высочество однажды послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ въ комнату и сказалъ мнѣ, что я начинаю становиться невыносимо горда, и что онъ сумѣетъ меня образумить. Я его спросила, въ чемъ состоитъ эта гордость? Онъ мнѣ отвѣтилъ, что я держусь очень прямо. Я его спросила: развѣ для того, чтобы ему понравиться, нужно гнуть спину, какъ рабы Турецкаго султана? Онъ разсердился и сказалъ мнѣ, что онъ сумѣетъ меня образумить. Я спросила у него: «Какимъ образомъ?». Тогда онъ прислонился спиною къ стѣнѣ, вытащилъ на половину свою шпагу и показалъ мнѣ ее. Я его спросила, что это значитъ, не рассчитываетъ ли онъ драться со мною; что тогда и мнѣ нужна шпага. Онъ вложилъ свою на половину вынутую шпагу въ ножны и сказалъ мнѣ, что я стала ужасно зла. Я спросила его: «Въ чемъ?» Тогда онъ мнѣ пробормоталъ: «Да по отношенію къ Шуваловымъ». На это я отвѣчала, что это лишь въ отместку и что онъ хорошо сдѣлаетъ, если не станетъ говорить о томъ, чего не знаетъ и въ чемъ ничего не смыслить. Онъ сталъ говорить: «Вотъ что значитъ не довѣряться своимъ истиннымъ друзьямъ, и выходитъ плохо. Если бы вы мнѣ довѣрялись, то это пошло бы вамъ на пользу». Я сказала ему: «Да въ чемъ довѣряться?» Тогда онъ сталъ говорить мнѣ такія несуразныя вещи, столь лишенные самаго обыкновеннаго здраваго смысла, что я, видя, что онъ просто-на просто заврался, дала ему говорить, не возражая ему, и воспользовалась перерывомъ, удобнымъ, какъ мнѣ показалось, чтобы посовѣтовать ему итти спать, ибо я видѣла ясно, что вино помутило ему разумъ и лишило его всякаго признака здраваго смысла. Онъ послѣдовалъ моему совѣту и пошелъ спать. Отъ него уже тогда начало почти постоянно нести виномъ вмѣстѣ съ запахомъ курительнаго табаку, такъ что это бывало буквально не-

выносимо для тѣхъ, кто къ нему приближался. Въ тотъ же вечеръ, когда я играла въ карты, графъ Александръ Шуваловъ пришелъ мнѣ объявить отъ имени императрицы, будто она запретила дамамъ употреблять въ ихъ нарядѣ многія матеріи, которыя были перечислены въ объявленіи. Чтобы показать ему, какъ Его Императорское Высочество меня усмирить, я засмѣялась ему въ лицо и сказала ему, что онъ могъ бы не утруждать себя сообщеніемъ мнѣ этого объявленія, потому что я никогда не надѣваю ни одной изъ матерій, которыя не нравятся Ея Императорскому Величеству; что, впрочемъ, я не полагаю своего достоинства ни въ красотѣ, ни въ нарядѣ, что когда первая прошла, послѣдній становится смѣшнымъ, что остается только одинъ характеръ. Онъ выслушалъ это до конца, помаргивая правымъ глазомъ, какъ это было у него въ привычкѣ, и ушелъ со своей гримасой. Я обратила на это вниманіе тѣхъ, кто игралъ со мною, передразнивъ его, что заставило смѣяться всю компанію. Нѣсколько дней спустя великій князь сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ просить у императрицы денегъ для своихъ голштинскихъ дѣлъ, которыя идутъ все хуже и хуже, и что совѣтуетъ ему это Брокдорфъ. Я хорошо поняла, что это была приманка, на которую его хотѣли поймать, чтобы заставить его надѣяться [на полученіе этихъ денегъ] черезъ посредство господъ Шуваловыхъ. Я ему сказала: «Нѣтъ ли возможности сдѣлать иначе?» Онъ мнѣ отвѣтилъ, что покажетъ мнѣ, что по этому поводу ему предъявляютъ голштинцы. Онъ дѣйствительно такъ и сдѣлалъ; просмотрѣвъ бумаги, которыя онъ мнѣ показалъ, я ему сказала, что, какъ мнѣ кажется, онъ можетъ обойтись безъ того, чтобы выпрашивать деньги у своей тетушки, которая, можетъ быть, еще откажетъ, такъ какъ не прошло еще и шести мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ она дала ему сто тысячъ; но онъ остался при своемъ мнѣніи, а я при своемъ. Что несомнѣнно, такъ это то, что его долго обнадеживали, что у него будутъ деньги, но онъ ничего не получилъ. Послѣ Пасхи мы отправились въ Ораніенбаумъ.